

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Я60

Yangsze Choo
THE GHOST BRIDE

Copyright © 2013 by Yangsze Choo

Cover art: Vanessa Ho / Trevillion Images

Художественное оформление *Екатерины Тинмей*

Янгдзе Чу.

Я60 Невеста призрака / Янгдзе Чу ; [перевод с английского Э. Фарниевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-109080-7

Род Лим — один из богатейших в городе Малакка. Когда Ли Лан Пан предлагают стать невестой погибшего наследника Лим Тиан Чина, судьба 17-летней девушки из небогатой семьи, кажется, решена. Во снах она погружается в мир мертвых, но наяву встречает в благородном доме Тиан Байя — кузена нареченного жениха.

Но роман с живым вместо замужества с мертвым — совершенно другая история...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

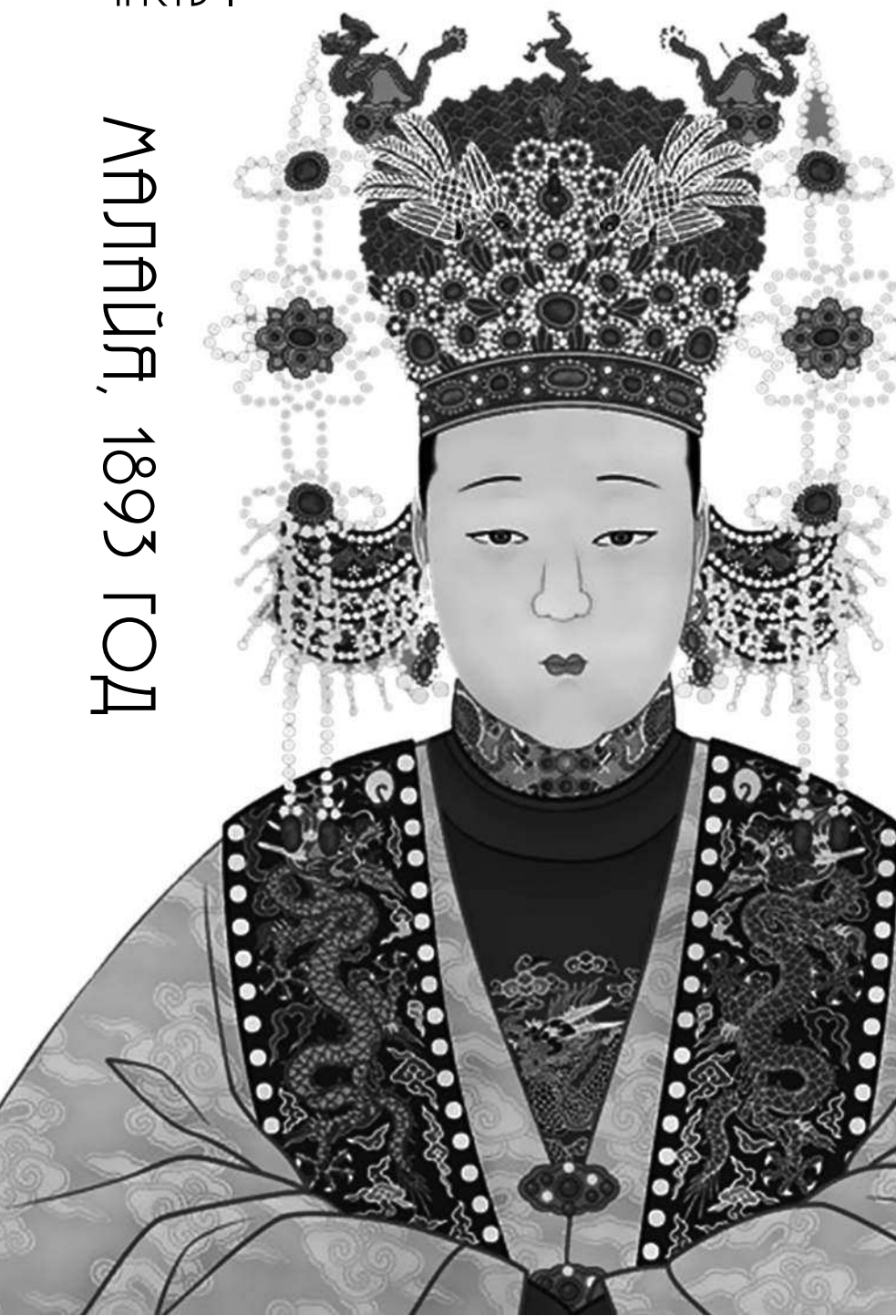
ISBN 978-5-04-109080-7

© Фарниева Э., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящаю эту книгу Джеймсу

ЧАСТЬ I

МАЛАНЬЯ, 1893 ГОД

Глава 1

Как-то вечером мой отец спросил, не желаю ли я стать невестой призрака. «Спросил», возможно, неточное слово. Мы находились в его кабинете. Я листала газету, отец лежал на своей ротанговой кушетке. Было очень жарко и тихо. Масляная лампа горела, и мотыльки лениво кружили во влажном воздухе.

— Что ты сказал?

Отец курил опиум. Первую трубку за вечер, так что я предположила: он относительно трезв. Его глаза были печальны, кожа покрыта оспинами, словно абрикосовая косточка. Отец был посредственным ученым. Наша семья раньше жила в достатке, но в последние годы мы скользили по наклонной вниз, пока не достигли уровня уважаемого среднего класса, да и за него едва цеплялись.

— Невеста призрака, Ли Лан.

Перевернув страницу, я затаила дыхание. Сложно определить, когда отец шутит. Порой я даже не была уверена, утверждает он или спрашивает. Он относился легко к серьезным вещам — например, к нашему скудному доходу, утверждая, что не против носить потрепанную рубашку в такую жару. Но время от времени, когда опиум принимал его в туманные объятия, отец становился молчаливым и рассеянным.

— Мне предложили это сегодня, — быстро добавил он. — Я подумал, тебе захочется узнать.

— Кто предложил?

— Семейство Лим.

Род Лим считался одним из богатейших в городе Малакка. Малакка — это порт, входящий в число старейших торговых поселений на Востоке. За прошедшие несколько веков город побывал сначала под голландским, затем под датским и в конце концов под британским управлением. Скопление низеньких домиков из красного кирпича, растянувшееся вдоль берега, окруженное рощицами кокосовых пальм и вплотную касающееся густых джунглей, которые покрывают Малайю, будто волнующийся зеленый океан... Город был очень тихим, он грезил под тропическим солнцем о былой славе жемчужины порта, контролирующей пролив. Однако с наступлением эры пароходов он пришел в состояние элегантного упадка.

И все же по сравнению с деревеньками в джунглях Малакка оставалась образцом цивилизации. Португальский форт, правда, разрушился, однако у нас были почта, ратуша Стадтхейс, два рынка и больница. Фактически мы являлись британским административным центром всего государства. Тем не менее, когда я читала о великих городах вроде Шанхая, Калькутты или Лондона, то утверждалась во мнении, что Малакка вполне незначительна. Лондон, как сообщили чиновники Управления округа сестре нашего повара, был центром мира. Сердцем великой и блистательной империи, простиравшейся так далеко с востока на запад, что над нею никогда не заходило солнце. С этого далекого острова (крайне сырого и холодного, как я поняла) и правили нашей Малайей. Но поскольку множество народов — малайцы, китайцы, индийцы и кучка торговцев-арабов и евреев — проживали здесь поколениями, мы сохраняли собственные обычаи и одежду. И хотя мой отец мог говорить на малайском

и сносном английском, он все равно искал китайские книги и газеты. Неважно, что мой дедушка оставил родные края в поисках удачи на ниве здешней торговли. Слишком скверно, что его деньги растаяли в руках моего отца. В противном случае он вряд ли стал бы утруждать себя даже обдумыванием предложения семейства Лим.

— Несколько месяцев назад у них умер сын. Юношу звали Лим Тиан Чин — помнишь его?

Лим Тиан Чина я видела однажды или, быть может, пару раз на каком-то празднике. Кроме фамилии богатого клана, он ничем мне больше не запомнился.

— Кажется, он был очень юным?

— Ненамного старше тебя, полагаю.

— А от чего он умер?

— Сказали, от лихорадки. Так или иначе — он и есть жених. — Отец говорил осторожно, словно уже пожалел о своих словах.

— И они хотят, чтобы за него вышла я?

В смятении я опрокинула чернильницу на его стол, и содержимое пролилось на газету зловещей темной кляксой. Такая практика бракосочетания живого с мертвецом была не самой распространенной, как правило, ею пользовались, чтобы умиротворить дух покойного. Почившая конкубина¹, родившая сына, могла таким образом вступить в официальный брак и обрести статус супруги. Трагически погибшие возлюбленные могли быть так соединены после смерти. Об этом я еще слышала. Однако венчать живую с мертвым — явление редкое и, вне всяких сомнений, ужасающее.

¹ Конкуби́на (лат. concubina, от лат. con — вместе и лат. cubare — лежать) — в Древнем Риме незамужняя женщина низшего сословия, находившаяся в сожительстве с мужчиной. — *Здесь и далее прим. ред. и пер.*

Отец потерял лицо. В прошлом, как мне сказали, он был весьма привлекательным мужчиной, пока не подцепил оспу. За две недели его кожа стала такой же толстой, как крокодилий шкура, и покрылась тысячами кратеров. Некогда общительный человек, он удалился от мира, отдал семейное дело в руки посторонних и погрузился в чтение романов и стихов. Возможно, все могло бы сложиться иначе, не умри моя мать во время той же эпидемии, когда мне исполнилось всего четыре года. Меня саму оспа пометила одним шрамом за левым ухом. Тогда прорицатель предрек, что я буду удачливой, но возможно, он просто оказался оптимистом.

— Да, они желают именно тебя.

— Но почему?

— Все, что мне известно, — они интересуются, есть ли у меня дочь по имени Ли Лан и была ли ты уже замужем.

— Что ж, не думаю, что мне все это подойдет. — Я свирепо оттирала чернила со стола, словно могла избавиться и от темы разговора. И откуда они узнали мое имя?

Я как раз собиралась спросить об этом, когда отец сказал:

— Что, тебе не по нраву стать вдовой в свои без малого восемнадцать лет? Провести жизнь в особняке Лим, облаченной в шелка? Хотя вряд ли тебе позволят носить яркие цвета. — Он меланхолично улыбнулся. — Конечно, я не согласился. Как бы я посмел? Впрочем, если ты не ищешь любви или детей, все могло бы быть не так плохо. Ты бы имела пропитание, кров и одежду до конца дней.

— Неужели сейчас мы так бедны? — уточнила я. Нищета нависала над нашим домом годами, точно готовая обрушиться волна.

— Ну, если говорить о сегодняшнем дне, то нам уже не по карману лед.

Кирпичик льда, тщательно уложенный в опилки и обернутый коричневой бумагой, можно было приобрести в английском магазине. Это был остаток груза, проделавший на пароходе путь через полмира: чистый лед укладывали в трюмы, чтобы сохранить свежесть продуктов. После выгрузки кирпичики продавали всем, кто желал приобрести кусочек морозного Запада. Ама рассказывала мне, что когда-то отец покупал для мамы экзотические фрукты. Горсточку яблок и груш, выросших в умеренных широтах. Такого я не помнила, хотя время от времени обожала обкалывать купленный лед, воображая при этом, что я могу путешествовать к холодным землям.

Я оставила отца наедине с недокуренной трубкой опиума. Ребенком я проводила часы в его кабинете, заучивая стихи или растирая тушь для его уроков каллиграфии, но мои навыки в вышивании оставляли желать лучшего, да и управление домашним хозяйством не давалось, как и все остальные навыки, присущие хорошей жене. Моя Ама сделала все от нее зависящее, но ее знания были не безграничны. Часто я фантазировала о том, на что походила бы моя жизнь, если бы мама выжила.

Едва я вышла за порог, Ама пошла в атаку. Она поджидала за дверью и изрядно меня напугала.

— О чем это хотел спросить твой папа?

Моя Ама была крохотной и старенькой. Такого роста, что выглядела почти как дитя — очень упрямое и деспотичное дитя, любившее меня при этом от всего сердца. До меня Ама нянчила мою маму и давным-давно имела полное право уволиться, но и сейчас ковыляла по дому в своих черных штанах и белой блузке, как заводная игрушка.

— Ни о чем, — ответила я.

— Это было брачное предложение? — Для человека, заявлявшего о своей старости и глухоте, нянечка обладала удивительно острым слухом. Попробовал бы таракан проскочить мимо нее в темной комнате — живо бы попал под ее башмак.

— Не совсем. — Поскольку она не выглядела убежденной, я добавила: — Больше похоже на шутку.

— Шутку? С каких это пор твой брак стал шуткой? Замужество очень важно для женщины. Оно определяет все ее будущее, ее жизнь, ее детей...

— Речь шла не о настоящем замужестве.

— Конкубина? Кто-то хочет сделать тебя наложницей? — Она потрясла головой. — Нет, нет, маленькая мисс. Ты должна стать женой. Первой женой, если возможно.

— Нет, и не об этом.

— Тогда от кого поступило предложение?

— От семьи Лим.

Ее глаза расширялись до тех пор, пока Ама не стала похожей на большеглазых лесных лемуров.

— Семья Лим! О! Маленькая мисс, не зря вы родились прекрасной, как бабочка, — и она продолжала в том же духе.

Я слушала со смущением и раздражением, пока она перечисляла множество моих достоинств, прежде ни разу даже не упомянутых, и вдруг няня умолкла.

— А разве наследник Лим не умер? Хотя у них есть племянник. Думаю, ему все достанется.

— Нет, это было предложение от сына, — сообщила я неохотно, ощущая себя предательницей, — ведь я признавала, что отец рассматривал столь вопиющую идею.

Ама отреагировала, как и ожидалось. О чем вообще

думал мой папа? Как Лим могли так оскорбить нашу семью?

— Не волнуйся, Ама. Он не собирается принимать предложение.

— Ты не понимаешь! Это к несчастью! Разве ты не слышала, что это означает? — Ее маленькая фигурка затрепетала. — Твоему отцу никогда не следовало упоминать подобное в твоём присутствии, даже в шутку.

— Пустяки, — я скрестила руки на груди.

— Айя, если бы твоя матушка была тут! В этот раз твой отец зашел слишком далеко.

Несмотря на мои попытки успокоить Ама, заслоняя лампу от мечущихся теней и укладываясь в кровать, я чувствовала неловкость. Наш дом был старым и большим, из-за финансового упадка в нем не жило и десятой части требующихся слуг. При жизни дедушки дом был полон народа: здесь обитали его супруга, две конкубины и несколько дочерей. Единственным выжившим сыном стал мой отец. Теперь женщины умерли и оставили дом. Мои тетушки давно вышли замуж, а кузины, с которыми я играла в детстве, вместе со своей ветвью семьи переехали в Пинанг. По мере того как наше состояние таяло, все больше и больше комнат закрывалось. Я смутно припоминала кучу гостей и слуг, но это было еще до того, как отец отрешился от мира и позволил деловым партнерам себя надувать. Ама иногда вспоминала о былых временах, однако всегда завершала свои речи, проклиная глупость моего отца, его злобных дружков и особенно божество оспы, которое позволило всему этому произойти.

Я не была уверена, что верю в божество оспы. Казалось неправильным, что высшее существо вынуждено унизиться до подобного — расхаживать всюду, швыряя оспу через окна и двери в людей. Иностранцы доктора